

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА

КУЛЬТУРА И РЕЧЕВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

(о книге Н. Рис "Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки")

ЭО, 2006 г., № 5

© С.А. Ушакин

РАЗГОВОРЫ О "РАЗГОВОРАХ..."

Среди зарубежных антропологов специалистов по России немного. Еще меньше тех, кто занимается изучением собственно русских. Административные сложности с проведением долговременных полевых исследований в советское время, усиленные традиционным этнографическим интересом к "экзотическому", привели к тому, что объектом устойчивого внимания зарубежных антропологов в России продолжают во многом оставаться малочисленные народы и народности, компактно проживающие в удаленных районах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Еще одним результатом ограниченности доступа к непосредственному изучению русских стала маргинализация самого этнографического знания: изначальная невозможность длительных включенных наблюдений была со временем компенсирована в общественных науках либо социологическими экспресс-методами (опросы и фокус-группы), либо анализом опубликованных и архивных документов.

И хотя эта ситуация продолжает сохраняться – "русское поле" в западном обществоведении преимущественно "колонизировано" политологами, историками и филологами – в последние 7–10 лет наметилась устойчивая тенденция "реабилитации" и этнографического наблюдения, как метода сбора исследовательского материала, и антропологического обобщения, как способа интерпретации символических структур и практик иной культуры. "Русские разговоры" Н. Рис, ярко обозначившие начало этой тенденции, были удачно продолжены серией текстов, в которых пристальное внимание к деталям "повседневной жизни" и особенностям "обыденного разума" в России сопровождалось концептуальным анализом политических, социальных, экономических, культурных условий, благодаря которым и эта "жизнь", и этот "разум" обрели свой статус "обыденных" и "повседневных", т.е. воспринимаемых и воспроизводимых "по привычке", машинально, не задумываясь (см., напр.: *Pesmen* 2000; *Humphrey* 2002; *Paxson* 2005).

Адресованные прежде всего англоязычной аудитории, которая либо совсем не знакома с российскими реалиями, либо знакома с ними очень поверхностно, эти тексты, тем не менее, смогли уйти от традиционного изображения "среднеарифметической" России ("холод, голод, разруха"). Перевод чужой культуры на язык знакомых метафор и клише в данном случае строится с помощью иной арифметической операции:

Сергей Александрович Ушакин – кандидат политических наук (СПбГУ), профессор кафедры славянских языков и литературы, Пристонский университет (США); e-mail: oushakine@columbia.edu

"усредненность" изображения и восприятия иной культуры преодолевается благодаря стремлению найти наименьшие "общие знаменатели" двух разных культур – будь то "разговоры" у Н. Рис или, допустим, "потребление" у Каролайн Хамфри.

Простота подобного интеллектуального проекта, разумеется, обманчива. Поиск общих мест-знаменателей – это не цель, а способ установки контакта с той аудиторией, которой адресован конечный текст, способ, позволяющий преодолеть изначальное сопротивление читателя в восприятии незнакомой культуры. Нагружаясь в процессе антропологического анализа дополнительными смыслами и ассоциациями, "разговор" или "потребление" из общедоступных и универсальных моделей повседневной деятельности превращаются у этих исследователей в специфические культурные практики, в многомерные метафоры русской (или российской) жизни.

Выход в свет русского перевода книги Н. Рис – событие важное по многим причинам. Написанная на базе полевых исследований в России в 1989–1990 гг., книга была опубликована в США в 1997 г. и до сих пор является базовым текстом для разнообразных лекционных курсов по новейшей истории российского общества в американских университетах. Собственно, именно на основе этой книги у большинства американских студентов и складывается представление о жизни в России времен перестройки.

"Русские разговоры" Н. Рис стали одной из самых первых американских работ (если не самой первой), в которой был обозначен решительный разрыв с традиционным советологическим противопоставлением кремлевских элит и диссидентствующих правозащитников. И хотя внимание Рис было сфокусировано (в основном) на столичной интеллигенции, т.е. группе, наиболее представленной в зарубежных исследованиях российского общества, принципиальным для американского антрополога стали формы поведения ("разговоры"), которые вряд ли являются специфически интеллигентскими. Беседы "за жизнь", повседневное общение – все то, что можно было бы определить как речевое бытование или, в иной формулировке, как словесный габитус – присущи в равной степени и научной интеллигенции, и рабочим (см., напр.: *Мещеркина* 2002).

Акцент Рис на *рутинности* этих разговоров и связанное с этим акцентом выведение проблематики государственной власти за скобки исследования дали возможность увидеть жизнь людей вне рамок традиционных бинарных оппозиций типа "публичное/частное", "официальное/неофициальное", "внешнее/внутреннее" и т.п. Оппозиции, казавшиеся столь фундаментальными для понимания советского и постсоветского опыта, в работе Рис отошли на задний план, обнажив целый пласт иных, несовпадающих, но не менее важных структурно-символических конструкций и приемов. Тема власти при этом, разумеется, не утратила своего значения; изменился характер ее восприятия: вместо анализа политических *институтов* ключевым стал анализ *микropolitики*, т.е. исследование того, как усвоенные культурные ограничения воспроизводятся людьми в их повседневной деятельности. В итоге "разговор" приобрел статус "структурирующей структуры", своеобразного социального механизма, имеющего собственное внутреннее устройство и логику развития – "*жанры*", которые и определяют характер символических обменов между людьми.

В рамках данного круглого стола, организованного при поддержке Сергея Абашина ("Этнографическое обозрение") и издательства "Новое литературное обозрение", представители разных дисциплин, разных образовательных традиций и разных поколений попытались обозначить несколько узловых тем, вызванных публикацией "Русских разговоров" в России. Исходной целью этого заочного обсуждения было стремление осознать влияние, которое исследования подобного рода *могут* оказать на развитие отечественных общественных наук.

Давая российскому читателю непосредственную возможность узнать, как Россия воспринимается со стороны, "Русские разговоры" по-русски заставляют задуматься и о том, как сходный процесс восприятия иных культур формируется в самой России. На основе какого опыта и из каких источников складываются представления отечественного читателя, скажем, о повседневной жизни современных интеллектуалов Нью-Йорка, предпринимателей Лондона или компьютерщиков Бангалора? Насколько принципиальным в нашем восприятии незнакомых культур является стремление видеть в чужом *бытовом* поведении продолжение сложившихся жанровых, символических и/или теоретических традиций, а не психобиологические особенности "менталитета"? Наконец, насколько приложимы к отечественным исследованиям зарубежных – да и внутренних – культур традиционные упреки в наивности, неосознании контекста, невладении информацией, непонимании ключевых культурных моментов и т.п., раздающиеся в адрес иностранных исследователей России?

Работа Рис позволяет задуматься и еще об одной академической традиции. Междисциплинарность исследования, сочетание разнообразных методов сбора материала и его анализа объединены в "Русских разговорах" с осознанным стремлением к ясности языка и доступности теоретических выводов. Успех исследования видится не в отстаивании "чистоты" антропологического жанра, а в попытке донести собранные материалы и полученные выводы до максимального большего числа читателей. Озабоченность тем, как текст может быть прочитан и понят другими, становится составной частью *этнографического* проекта. Видимо, именно поэтому "Русские разговоры" продолжают переиздаваться до сих пор и – помимо антропологии – включены в программу семинаров по истории, политологии, литературе, языку и исследованиям культуры.

Можно сожалеть (и жаловаться) о том, что книга, написанная почти 10 лет назад, становится доступной русскоязычному читателю только сегодня. А можно – следуя фундаментальному оптимистическому запалу Рис – попытаться изменить ситуацию к лучшему, сделав профессиональное обсуждение значимых зарубежных и отечественных текстов еще одним жанром повседневных разговоров в России.

Литература

- Мещеркина 2002 – Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности: Сб. ст. // Сост. С. Ушакин. М., 2002. С. 268–287.
- Humphrey 2002 – Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism. Ithaca, 2002.
- Paxson 2005 – Paxson M. Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village. Bloomington, 2005.
- Pesmen 2000 – Pesmen D. Russia and Soul: An Exploration. Ithaca, 2000.